

Нина Аловерт

Талант в карман не спрячешь

Валерий Михайловский – самобытная личность, яркая фигура русского балетного театра. Ему удалось сделать то, что удается немногим: он продлил свой короткий балетный век, ограниченный для танцовщиков особенностью этой профессии. Продлил не за счет того, что продолжал выходить на балетную сцену в классических балетах вопреки здравому смыслу, а нашел для себя другие формы балетного спектакля, в которых он выступает на достойном уровне, а его творческий дар продолжает развиваться.

Окончив Киевское хореографическое училище, Михайловский семь лет танцевал в одесском театре все ведущие роли классического репертуара. В 1977 году танцовщик перешел работать в театр совсем иного направления, в только что созданную в Ленинграде труппу Бориса Эйфмана. Несомненно, это была огромная удача как для артиста, так и для хореографа.

Эйфман сочиняет хореографию, которая рассчитана на предельную выразительность тела танцовщика, какой обладает Михайловский. Михайловский проработал у Эйфмана с 1977 по 1991-й год. Эйфман поставил немало ролей и концертных номеров, ориентируясь на творческую индивидуальность Михайловского, на его широкий актерский диапазон: Князь Мышкин («Идиот»), Граф Альмавива («Женитьба Фигаро»), Воланд («Мастер и Маргарита»), «Адажио» Альбиниони, Камилл («Убийцы» по «Терезе Ракен» Золя), Мальволио («Двенадцатая ночь») и др.

В те годы Эйфман еще только собирал свою знаменитую теперь труппу, поэтому приглашал выдающихся танцовщиков разных театров для «укрепления» состава исполнителей, таких как Алла Осипенко и Марис Лиена.

Михайловский в жизни всегда элегантен и изысканно вежлив. Но кроме того, что он блистательный актер, он еще и блистательный рассказчик. Когда я приезжаю в Петербург, мои подруги всегда просят: «Пригласи в гости Михайловского!». Когда Михайловский рассказывает свои истории из жизни театра, слезы льются из глаз от смеха, хотя сам рассказчик говорит безмятежным тоном. Чаще всего это мимолетные зарисовки из театральной жизни, иногда довольно язвительные, но рассказанные безмятежным тоном.

Например, такая. Эта история произошла на репетициях «Идиота», когда Михайловский (Князь Мышкин) репетировал с приезжей знаменитостью Марисом Лиепой (Рогожин). В конце балета, после того как Рогожин убивает Настасью Филипповну, хореограф поставил сцену Мышкина и Рогожина, где Рогожин поднимает на руки обессиленного князя. «Я должен вас поднимать?! Нет, эту поддержку я делать не буду, давайте заменим хореографию», – заявил Лиэпа. «Знаете что, – ответил Михайловский, – вы у меня уже второй Рогожин. Потом придет третий и опять захочет что-то менять? Да я запутаюсь в ваших вариантах. Нет уж, давайте делать то, что хореограф поставил». И пришлось столичному танцовщику уступить. После премьеры Лиэпа написал Михайловскому на программке к спектаклю (или на своей фотографии, не помню): «Первому Мышкину от второго Рогожина».

Это – театр, и амбиции в нем играют большую роль, но артисты в нем, самые великие, самые капризные, умеют, если у них есть голова на плечах, поставить интересы своей работы выше своих амбиций.

Другая зарисовка. В одесском театре была танцовщица кордебалета, которая постоянно опаздывала на выход. Однажды артистки решили ее проучить. Они собрались на сцене в кружок, не оставляя между собой свободного промежутка для опоздавшей. Танцовщица в воздушном платье с венком из роз на голове вышла на сцену, как всегда, с опозданием и, мелко перебирая ножками в розовых туфельках, приблизилась к подругам. Оставившись за спиной каждой из них, она шепотом спрашивала: «Девочки, я здесь стою?» – «Нет». – «Девочки, я здесь стою?» – «Нет». Обойдя весь круг и не найдя себе места, нежная сальфида

сказала внятно, обыденным тоном: «Ну, и идите на...» – и уплыла за кулисы, мелко перебирая ножками в розовых туфельках.

К сожалению, Михайловский не записывает свои истории. Талант рассказчика и талант писателя не всегда совпадают. Какой замечательной рассказчицей была Нора Сергеевна Довлатова! А писателем стал ее сын Сергей.

Но вернемся к Михайловскому. Я впервые увидела Михайловского в роли Воланда в балете Эйфмана «Мастер и Маргарита» в 1988. (Это была такая замечательная актерская работа, что когда Михайловский ушел из театра, Эйфман, по-моему, снял спектакль.) Тот вечер 1988 года вообще был необычным, на нем присутствовала великая балерина Наталья Макарова: бывшая «невозвращенка» впервые прилетела в Ленинград увидеться с матерью и пришла в театр Эйфмана. Посмотрев спектакль, Макарова заволновалась, как волнуются артисты, когда находят интересную для себя роль. Они даже договаривались с Эйфманом, что она станцует в его спектакле Маргариту. К сожалению, из этого проекта ничего не вышло. В тот вечер я и сделала портрет Михайловского в роли Воланда, который включила в экспозицию своей выставки. Лицо Михайловского и само по себе оригинально: огромные глаза с удлинненным разрезом на очень худом лице, резко выступающие, красиво очерченные скулы... Подчеркнув необычную форму глаз гримом, «зализав» вьющиеся волосы, актер придал своему лицу еще большую значительность и необычность: Князь тьмы... Яставляла этот портрет и в 1994 году на своей выставке в Петербурге во дворце Белосельских-Белозерских. Кто-то из посетителей сделал в книге отзывов возмущенную запись, дескать, какое ужасное лицо, посмотрите только на эти глаза! Это надо же так ненавидеть актера, чтобы сделать такой портрет! Мы с Михайловским нашли, что посетитель, явно не читавший Булгакова, сделал нам прекрасный комплимент, мы поняли, что достигли нужного эффекта.

Уйдя из труппы Эйфмана, Михайловский продолжает поиски своего собственного пути в искусстве. В 1992 году он создал и возглавил труппу «Мужской балет Валерия Михайловского». Актеры театра – только мужчины, которые танцуют на пуантах (то есть на пальцах, в специальных женских балетных туфлях). Поначалу

Михайловский, создавая труппу, руководствовался, по-моему, несколько странной идеей: он хотел напомнить танцовщицам, которые в наше время теряют прежний стиль исполнения классического балета, как надо танцевать. Но исполнение мужчинами женских партий все равно выглядит, как пародия: представьте себе мужские фигуры в слегка утрировано огромных пачках и в туфельках сорок какого-то размера в ролях нежных сильфид и прекрасных принцесс! Публика так и восприняла программу труппы Михайловского – как ироничный веселый праздничный концерт, и полюбила этот необычный для России театр.

Гран-па из «Пахиты» в исполнении артистов-мужчин – этот шедевр жанра балетной комедии или пародии. Публика восхищается при этом и техническим мастерством мужеподобных красавиц: когда мужчины-исполнители, вставшие на пальцы в зрелом возрасте, безупречно крутят фуэте на пуантах, публика всегда восторженно аплодирует танцовщикам. Сам Михайловский, естественно, превосходен, он не только Князь Мышкин, он и комедиант, но с очень тонким чувством комического. Сколько бы раз я ни смотрела «Пахиту» в исполнении Мужского балета, я всегда смеюсь, когда Михайловский танцует свое соло. Когда «балерина», танцующая на немолодых ногах с полусогнутыми коленями и не вытянутыми подъемами, заканчивает вариацию и сама от себя в полном восторге, с улыбкой смотрит в зал, ожидая аплодисментов, я сразу вспоминаю некоторых престарелых балерин прошлого, которые не могли вовремя уйти со сцены и все продолжали танцевать Аврору или Раймонду в спектаклях, которые были объявлены публике как молодежные...

Но не все роли классического репертуара поддаются пародии. Так я не могла воспринять «Умиряющего лебедя» М. Фокина в исполнении Михайловского. Артист говорил, что нигде не сказано, что умирает Лебедь-женщина, возможно, что Лебедь – это «он». Но танцевал-то артист при этом в женском наряде! Артист не комиковал, Михайловский танцевал «лебединую предсмертную песню» всерьез, и мне казалось, что номер в мужском исполнении кажется фальшивым. Наверно, не только я говорила ему об этом, потому что Михайловский танцует теперь «Умиряющего лебедя» в легких белых шароварах, сохраняя от прежнего костю-

ма только головной убор из белых перьев. И все встало на место: умирает прекрасный Лебедь, пытающийся сильными взмахами мощных крыльев-рук удержать слабеющее тело. В таком варианте «Умиравший лебедь» – один из лучших номеров не только в репертуаре Михайловского, но и одна из самых трагических интерпретаций фокинского балета сегодня. Фотография финальной позы – «мертвый лебедь» со сложенными «крыльями», под сложенными крыльями видна часть лица с «мертвым» застывшим глазом. Артист!

Не все спектакли в репертуаре Мужского балета удачны, но какие бы роли не исполнял Михайловский в дальнейшем, сценическая красота, значительность, благородство артиста всегда покоряют сердце, потому что, как писал Камю, уже только созерцание красоты может насытить человеческое сердце.

Михайловский – из творцов, не вписывающихся в предначертанную судьбу балетного артиста. Он сам свою судьбу и воплотил. Завоевав имя и положение в одном театре, он не боялся его бросить, всем рискнуть и начать новый путь с нуля. И на каждом пути его ждали новые творческие удачи. Как, смеясь, повторял когда-то в 70-х годах в веселых ленинградских театральные компаниях молоденький Михаил Барышников: талант в карман не спрячешь!

Фото Нины Аловерт
Нью-Йорк

